

1

На последних летних каникулах перед выпускным классом Фритци Прагер съездила в тосканский город Лукка — на перекладных и автостопом: на нескольких региональных поездах, на попутном грузовике с женщиной-шофёром и с влюблённой парочкой, которая прихватила её с собой через перевал Бреннер. В недорогом пансионе на площади Сан-Микеле она сняла комнату, пропахшую жареным луком. Днём она лежала в тени старой городской стены и читала чудесно пахнущие книги, привезённые с собой. Вечером ела фокаччу с розмарином и острым оливковым маслом и ходила по переулкам, пока не натирала сандалиями мизинчики до крови. Фритци наслаждалась своим одиночеством, смотрела на людей и мечтала, вставляя себя в разные жизни, которые могла бы вести, когда

окончит наконец надоевшую школу. Например, сидеть всей семьёй за столом, покрытым скатертью в красно-белую клетку, и слушать уличных музыкантов.

В один из вечеров она познакомилась с молодым мужчиной из Гамбурга. Он заговорил с ней, угостил двумя негрони, рассказал, что у него, вообще-то, своя фирма, в доказательство выложил у её стакана плотно покрытую печатным текстом визитную карточку, и этот жест показался Фритци таким беспомощным, что даже растрогал. Она пила коктейль и слушала. Он был в Тоскане по делам. Торговля природным строительным камнем, сказал он; кроме того, он носил такие же часы, как у первого покорителя горы Эверест, говорил о политике, мраморе, пармской ветчине, о вкраплениях минералов в мраморе «циполин» и возникающей благодаря этому волнистой структуре, о своём глупом начальстве, футболе, потом неожиданно примолк и спросил, не говорил ли кто-нибудь ей, Фритци Прагер, что она похожа на служанку с кувшином молока с картины Яна Вермеера.

Фритци находила, что он говорит слишком много. Но ей нравились его загорелые кисти и тот факт, что она говорит с чужим мужчиной тосканским летним вечером, таким густым и тёплым, что хоть ножом его режь на куски — хотя и предпочла бы, чтобы мужчина был итальянцем и чуть более непредсказуе-

мым. В траттории он заказал для неё фаршированные цветки цуккини, которые она давно уже хотела попробовать, а он, разумеется, угощал её. Цветки оказались солёными, жир стекал по подбородку Фритци при надкусывании, а мужчина в итоге так и не смог заплатить за неё, потому что наличных у него не было, только золотые пластиковые карты. Зато в следующем ресторане, где принимали карты, он угостил Фритци тремя стаканчиками пьемонтской ореховой настойки. Когда он сказал, что в баре его отеля есть одна стойка, вырезанная из цельного куска зелёного силикатного мрамора, который она должна непременно увидеть, она сжалилась. Пошла с ним. Ей было интересно провести ночь с мужчиной, у которого были седые волосы. Она не знала, что лекарственный препарат, который она неделю тому назад принимала после испорченного тирамису, отменял действие её противозачаточных таблеток. Инструкция в упаковке была на итальянском, а аптекарша римско-католическая.

Пару недель спустя Фритци Прагер в пыльную августовскую жару села на Центральном вокзале Лукки в поезд, идущий на север. Через полчаса её вырвало в металлическую урну с откидной крышкой рядом с её местом. Она догадывалась, что это не дорожная тошнота.

Врач-гинеколог в ганноверском районе Линден обследовал её вскоре после возвращения. Это он прописывал ей те противозачаточные

таблетки, которые потом не сработали, и принял случай на свой счёт. Он знал, что Фритци одна из лучших учениц своего выпуска, несмотря на драчуна-отца и ещё более драчливую мать. Фритци собиралась изучать юриспруденцию в Мюнхене. Юриспруденцию, потому что ей нравился чёткий язык кодекса законов, который она раскрыла в книжном магазине рядом с университетом Лейбница, ничего в нём не поняла, но сразу полюбила. А Мюнхен — потому что он хотя и не был Италией, но в погожие дни походил на неё, по слухам.

Врач предложил ей обсудить все варианты. Он использовал для её положения обозначение «несчастный случай». Фритци приложила одну ладонь к своему пупку, а второй накрыла кисть врача в латексной перчатке и тихо сказала:

— Господин доктор, я бы на вашем месте была сейчас очень осторожной.

В апреле, когда околоплодные воды испортили ковёр в её комнате, а схватки перепаживали низ её живота, Фритци надела на плечи приготовленный для такого случая рюкзак и пешком отправилась в больницу Святого Духа. Роды длились полтора суток. То обстоятельство, что Фритци была хрупкого сложения и, вероятно, ещё в состоянии роста, в какой-то момент доставило забот даже старой акушерке, которая к тому же устала и проголодалась. Если бы Фритци вскоре не разродилась, акушерке пришлось бы брать в руки щипцы или

готовиться к кесареву сечению. Фритци не хотела кесарево сечение. Она хотела как можно скорее покинуть больницу, чтобы сдать письменный выпускной экзамен. Она пыталась думать о чём-нибудь приятном, чтобы не потерять сознание от боли, что предположительно только ускорило бы решение о кесаревом сечении. Она думала о запахе осенней листвы, о горячих блинчиках, из которых сочилось бы земляничное варенье. Она вспоминала ощущение у себя в лёгких, когда впервые пересекала Альпы и думала, что теперь дело пойдёт только под гору к морю. И думала о чертовски крепком эспрессо на стоянках итальянского автобана; она добавляла в него две ложки сахара и пила как чёрный сироп. Когда кровопотеря стала уже критичной и она заметила, что никакие хорошие мысли не помогают произвести на свет ребёнка, а акушерка постоянно на неё кричала и велела тужиться, Фритци Прагер принялась петь слегка охрипшим от полуторасуточной борьбы голосом. Все, кто едет с нами на пиратском корабле. Детская песенка с Северного моря. Ничего лучшего ей не пришло в голову от сильной боли.

Ханнес Прагер явился на свет на девятом повторении припева. Он был крепким младенцем, похожим на старичка со светлыми волосами или, под другим углом зрения, на старую красную картофелину. Он тихо выскользнул на руки акушерки. Она поднесла его к окну и два раза шлёпнула по попке, а потом Фритци, стная от боли, приподнялась и как можно мягче отняла у неё мальчика.

Фритци так и переехало любовью, красивой и потрясающей, и она поняла, что этот тихий гном, что свернулся комочком у её груди, был самым чудесным несчастным случаем, какой только мог с ней произойти.

Позднее, когда Фритци перевезли на больничной койке и с маленьким Ханнесом у её груди из родового зала в палату, там уже лежала женщина, ненамного старше неё, бледная как мел и с крошечной девочкой на руках.

— Привет, — сказала женщина.

— Привет.

— Боже мой, как это прекрасно, да?

Молодую женщину звали Гюнеш, она была с другого конца города, непрерывно болтала, несколько раз громко всхотнула, потихоньку говорила со своей дочкой по-турецки и через полчаса встала, как будто только что не родила, подошла к койке Фритци и дала ей слоёный пирожок с сырной начинкой и ямочкой посередине. Гюнеш сказала, что такие пирожки способствуют материнскому молоку и что малыш к завтрашнему дню подрастёт на полголовы. Она неотрывно смотрела, как Фритци поедала пирожок, и потом улыбнулась ей. К обоим женщинам в этот день никто не пришёл, на другой день тоже. Когда среди ночи апрельский град стучал по оконному стеклу, а Фритци лежала без сна и, озабоченная будущим и подавленная настоящим, смотрела на своего спящего сына, Гюнеш, не глядя на неё, сказала:

— Я не могу поверить, что такой ангел наполовину происходит от такого хрена.

Фритци молчала и впервые за долгое время подумала о торговце строительным мрамором.

Гюнеш сказала, что назовёт свою дочку Полиной, это имя из её любимого Достоевского и очень подходит для счастья у неё на руках. И готова поклясться на крови, что отец никогда не получит это дитя на руки.

Вскоре после этого она разблокировала тормоз колёсиков и подкатила свою койку вплотную к койке Фритци, так что обе юные матери теперь лежали как в супружеской кровати, чему вбежавшая в палату санитарка хотела воспрепятствовать, но Гюнеш осадил её одной фразой:

— Да можете нас хоть вышвырнуть отсюда.

И они положили своих деток рядом и любовались новой жизнью. Один грудничок с тёмным пушком, второй сморщенно-красный, глаза почти всегда закрыты. Время от времени они немного шевелились и грозили скатиться в щель между матрацами, больше ничего не делали, но для Фритци и Гюнеш достаточно было и того, что они дышали. Через какое-то время дети прильнули один к другому, как будто хотели вобрать в себя тепло другого.

— Как два котёнка, — сказала Гюнеш.

Фритци кивнула.

— Я думаю, мы будем подругами до конца дней, — сказала Гюнеш. И хотя она наверняка

Такис Вюргер

представляла себе нечто совсем другое, чем потом вышло, но она оказалась права.

Когда Ханнесу Прагеру исполнилось три недели, его мать Фритци Прагер писала экзаменационную контрольную в специальном классе, где могла время от времени кормить своего сына. Он пять часов пролежал в своей коляске, не кричал, не хныкал, только слушал скрип чёрнильной авторучки и успокаивающее дыхание своей матери.

2

Фритци Прагер решила пока что не ехать в Мюнхен учиться, несмотря на допуск и две стипендии, которые могли бы обеспечить ей учёбу. Она обдумывала, не собрать ли ей свои немногие пожитки и сына и не податься ли снова в ту страну, из которой он некоторым образом происходил. Но когда она ночью стояла у мутного окна своей детской комнаты, а остальной район Линден спал, когда она баюкала гнома, который соглашался спать, только когда она пела, а стоило ей взять паузу, как он с укоризной смотрел на неё снизу вверх, — тогда она приняла решение забыть всё, кроме него. Одна соседка сказала, что Фритци могла бы изучать юриспруденцию и в Ганновере, это хотя и не так престижно, как в Мюнхене, зато до университета Лейбница можно дойти из

района Линден пешком, и там есть детский сад для таких случаев, как у Фритци. Но соседке легко рассуждать, ведь ей не пришлось ни сдавать госэкзамен по юриспруденции, ни воспитывать в восемнадцать лет в одиночку мальчика, ни бывать в Мюнхене, ни быть матерью Ханнеса Прагера.

Мальчик никогда не кричал. Он был такой тихий, что Фритци иной раз спрашивала себя, не забыл ли господь что-то включить в своё творение. Женщина-педиатр, которая обследовала мальчика, пока Фритци нервно сжимала руки, сидя рядом, в какой-то момент нетерпеливо ущипнула дитя за пухлую ступню, и ребёнок издал негромкий жалобный звук, отдалённо напоминающий кряканье утёнка.

Родителям Фритци докучало её ночное пение и вопросы соседей, кто же отец ребёнка. А больше всего они были недовольны, когда однажды она ответила на это: «Тирамису из Болоньи». Вопросы были связаны с тем, что Фритци со своим быстрым умом была хотя и не по зубам простоватым линденцам, но восхищала их своей красотой, особенно летом, когда носила коротко обрезанные джинсы и широкие рубашки. Всем хотелось знать, кому же довелось обрюхатить маленькую нахальную Фритци Прагер с коротко стриженными волосами.

Её мать сказала, что малыша надо отшлёпать, чтобы он лучше спал. Фритци сказала, пусть только кто-нибудь посмеет тронуть маленького

Ханнеса... Она не довела фразу до конца. Мать Фритци сделала глубокую затяжку из своей сигареты и выдула в сторону дитяти. Она сказала, что если Фритци так нравится изображать из себя взрослую, то пусть в это же лето съезжает со своим сыном куда хочет. Стоял август.

Фритци должна была работать, но вместе с тем даже не собиралась ни на секунду выпустить из виду своего трёхмесячного мальчика. С помощью Гюнеш она нашла место уборщицы в сети супермаркетов Нетто на севере города у аэропорта. Днём она могла читать, а ночами вместе с Гюнеш мыла и начищала, с ребёнком в старом школьном рюкзаке за спиной, младенец гулил, слушая её пение. Гюнеш работала в том же филиале Нетто, она навёрстывала своё среднее образование в вечерней школе и мечтала найти такого мужа, который не будет бить её тыльной стороной ладони (как отец Полины), но и не будет таким скучным, «как домашний шлёпанец». Гюнеш заряжала эту мечту огромной энергией, встречалась со многими претендентами и чаще всего покидала их, не успевая сойтись. Когда она потом появлялась на работе, то говорила: «Домашний шлёпанец», и начинала поиск с начала. Но Гюнеш была оптимисткой, и ещё выше её претензий была надежда, что однажды в её жизнь занесёт человека, который ей подойдёт.

Иногда женщины клали своих малышей в корзину для белья, выставив её белыми вор-

систыми ковриками из хозяйственного отдела Нетто.

Супермаркет находился в зоне взлёта аэропорта, целые дни над ними стоял грохот моторов, из-за этого стоимость аренды жилья в этом районе была терпимой, и Фритци с сыном позволила себе переехать в многоквартирный дом, в маленькую однокомнатную квартиру с кухонной нишей.

У Фритци были её книги, матрас, лучшая подруга, двое джинсов и несколько рубашек, ложка и несколько коробок, которые она принесла из супермаркета и использовала в качестве детской кроватки, платяного шкафа и обеденного стола. Большую часть заработанного она тратила на памперсы. Мать и сын ни в чём не нуждались.

Педиатр считала иначе. Фритци проконсультировалась с другим врачом, поскольку у неё было чувство, что первая обращается с ней как со вторым грудничком, но и второй врач, а потом и третий сказали ей то же самое, что и первая. Что Ханнес слишком спокоен для шестимесячного младенца, он производил впечатление младенца, ещё плавающего в околоплодных водах. И что мать должна найти стимулы, которые могли бы пробудить младенца от этой летаргии. Фритци массировала сыну толстые бедра, носила его в парк, где тот игнорировал цветы, к которым она его подносила понюхать, и вместо этого сворачивался у неё

на руках, как испуганная мокрица, когда над ними пролетал на посадку очередной самолёт. Фритци позаимствовала из Нетто таз для стирки и наполняла его доверху пудингом-желе с искусственным запахом ясенника, когда желе застывало, сажала в него сына, который погружался по грудь и раздавливал ручками зелёную липкую массу и вопросительно смотрел на мать своими тёмно-серыми глазами.

Первый раз Ханнес Прагер закричал, когда однажды работающий в расположенном неподалёку инкубаторе молодой мужчина из соседней квартиры, выпив бутылку коньяка «Мариякрон», решил завершить вечер с ангельской женщиной, которая всегда так приветливо с ним здоровается, но в остальном так высокомерно игнорирует. Он постучался в дверь Фритци. У груди, разбухшей от молока, она держала мальчика, который в его взрослом молчании показался соседу отродьем Люцифера. Фритци мягко сказала соседу, чтобы он сперва проспался, потому что один несвязно лопочущий мужчина уже есть в её жизни, но при этом положила ладонь ему на руку, прежде чем закрыть дверь, и это — вместе с видом молочной груди — совершенно лишило его разума. Когда сосед сперва нерешительно постоял перед дверью и гадал, как истолковать её тёплое прикосновение, а потом, следуя ошибочному выводу, принялся стучать в дверь, мальчик на руках Фритци издал крик, единственный высокий вибрирующий звук, прозрачный, как

спирт, который моментально отрезвил соседа и заставил его вернуться к себе домой. Ханнес Прагер выкрикнул расщепленное на три части «Ф», которое ни он сам, ни восторженная мать или испуганный сосед не могли истолковать.

На следующий день Фритци расторгла договор аренды квартиры.

Она купила газету объявлений и читала объявления о сдаче. Одно из них гласило: «Всего одна комната, 90 квадратных метров, свободна, район Кананоз. Отопление дровяное. Для того, кто не боится привидений, просто мечта. В саду красивый вид и ревень. 800 марок наличными. Генрих Хильдебранд».

Фритци не знала, что представляет собой район Кананоз, и не имела объяснений тому, как одна комната может быть размером 90 квадратных метров и стоить так дорого. Восемьсот марок она не могла себе позволить, но её всегда привлекали вещи, якобы невозможные для неё.

Она набрала указанный номер, поехала на велосипеде, с сыном в рюкзаке, мимо ограды из проволоочной сетки, которая тянулась вдоль посадочной полосы аэропорта. Последняя часть дороги была вся в выбоинах и вела мимо торфяника, воняющего сернистым газом. Торфяное болото было обозначено на зелёной доске как природный заповедник.

Вилла стояла вдали, свободная и величественная. Построенная в девятнадцатом веке, когда ещё не было природных заповедников. В ней

было двадцать комнат. Подъездная дорога к дому прежде была обсажена берёзками, теперь от них осталось лишь несколько истлевших стволов. От некогда голубых наличников клочьями отлетала краска. Перед домом росло густое грушевое дерево, а рядом дерево, полное чёрно-синих, лопающихся от спелости слив, которые Фритци захотелось немедленно сорвать. Не могло быть здесь так много привидений, чтобы эта запущенная вилла не показалась ей мечтой из сказки.

На каменной лестнице появился мужчина. Фритци сошла с велосипеда и посмотрела на него снизу вверх.

Генрих Хильдебранд носил окладистую бороду и многократно залатанный пиджак из твида цвета старых лесных орехов. О Хильдебранде ходило много слухов, которые пересказывали друг другу жители деревень Кальтенвайде, Энгельбостель и половины Лангенхагена. Что он, дескать, самый богатый человек Нижнесаксонской долины; иногда он поёт на венском диалекте жалобные песни о женщине, которая его покинула и из-за которой он ненавидит весь мир, а свою злобу вымещает на них в чём не повинных туристах. Он якобы выращивает самый острый перец чили по эту сторону Атлантики. Он автор знаменитого романа, который когда-то принёс ему некоторый успех, но теперь его больше не печатают. Хильдебранд вот уже много лет безуспешно пишет продол-

жение, что существенно подпитывает его ненависть к человечеству.

Всё это было только слухами, но не совсем беспочвенными. Кроме предположения о его богатстве — это была полная чушь.

Генрих Хильдебранд разглядывал Фритци Прагер из-под полуприкрытых век, от него пахло туалетной водой «Кнайз» — сандаловое дерево, апельсин, розмарин, кожа, — в руке он держал длинный ломоть хлеба с сыром. И поднял этот бутерброд в знак приветствия.

Хильдебранд жил здесь уже давно и не платил аренду нижнесаксонским властям, которым принадлежала эта вилла, считая это само собой разумеющимся, за свою работу в земельно-болотном ведомстве. В настоящий момент он чувствовал себя так, будто ему принадлежал и этот дом, и окружающие его сорок пять гектаров большого природного заповедника под названием Кананоз. В молодости Хильдебранд учился в Венской консерватории по классу фортепьяно, но об этом уже мало кто помнил, даже слухов не ходило, по причине того, что его карьера пианиста не сложилась. Тогда в Вене, в одну особенно жаркую летнюю ночь, незадолго до своего выпускного концерта в консерватории, Хильдебранду пришлось в голову перелезть через деревянный забор новой и соблазнительной купальни, чтобы поплавать и немного охладиться. Он прыгнул с вышки для спортсменов, попробовал сделать сальто,

но уже в полете передумал, потерял баланс, в течение пары секунд не знал, где верх, где низ, ударился головой о чёрную поверхность воды и разорвал барабанную перепонку левого уха. Это было неизлечимо. Хильдебранд покинул Вену без прослушивания и в целом без свидетельства об окончании учёбы, работал редактором в газете, осветителем, был активистом движения против охоты на арктических китов. Он написал роман с глухим китобоем в качестве центрального персонажа, и тот даже напечатали.

И вот уже много лет Хильдебранд жил в этой вилле и заботился о том, чтобы люди оставили в покое торфяники Биссендорфа. Время от времени убирал рухнувшее дерево с одной из немногих дорог, гонял «диких» туристов и одним своим ухом слушал пение лысух. Он уже так долго жил один, что позабыл, как одинок, однако с недавних пор во время своих ежемесячных закупок ему приходилось прикидывать, может ли он себе позволить пармезан. А поскольку настоящий *Parmigiano Reggiano* был для Генриха Хильдебранда важен, он решил взять к себе на болото квартиранта, хотя никакой потребности в обществе у него не было, как и сомнений в том, что в своём возрасте он больше не годился для жизни в обществе. Он намеревался заключить договор аренды сроком как минимум на год и потом вести себя так, чтобы квартирант как можно быстрее исчез.